

XXXVII г.

№ 6

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 40 книгъ „Сборника“, содерж. соч. М. Е. Салтыкова-Щедрина и К. М. Станюковича, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 № „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 11-го февраля 1906 г.

Подписная цѣна съ достав. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.

Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

XXXVII г.

1906

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

Къ этому № прилагается: „Полнаго собранія сочиненій М. Е. Салтыкова-Щедрина“ кн. 13.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1906 Г.

Остальные 30 книгъ полн. собр. сочиненій

М. Е. Салтыкова-Щедрина

Съ приложеніемъ **40 книгъ**

„Сборника Нивы“, содержащихъ:

и первыя 10 книгъ полн. собр. сочиненій

К. М. Станюковича.

Безъ достав-
ки въ Петер-
бургъ . . .

6 р. 50 к.

Безъ доставки въ
МОСКВѢ въ конторѣ
И. Н. Печковской,
Петровскія линіи.

7 р. 25 к.

Безъ доставки въ
ОДЕССѢ въ кн. маг.
„ОБРАЗОВАНИЕ“,
Римскійская, 12.

7 р. 50 к.

Съ достав-
кою въ Пе-
тербургъ . .

7 р. 50 к.

Съ пересылкою
во всѣ мѣстности
Россіи. . .

8 р.

За
гра-
ницу. **12 р.**

Урокъ.

Повѣсть

Бор. Лазаревского.

(Продолженіе).

XV.

На слѣдующій день Константинъ Ивановичъ проснулся въ семь часовъ и въ одномъ бѣлѣ подошелъ къ открытому окну. Запахъ цвѣтовъ, хвои и неуловимая, носившаяся въ воздухѣ, влага — ласкали грудь. Передъ самымъ окномъ росли двѣ американскія елочки, и на ихъ блѣдно-зеленыхъ иглахъ сверкали капли росы. Кричали воробьи. Гдѣ-то во дворѣ бабій тоненькій голосъ сзывалъ цыплятъ.

Черезъ пять минутъ Константину Ивановичу стало холодно, и онъ, переступивъ съ ноги на ногу, захлопнулъ окно.

— Ну, какого чорта такъ стучать, — проговорилъ Кальнишевскій, подымая съ подушки свое заспанное лицо. — Ужъ эти мнѣ увлекающіеся господа, требуютъ по-

у алтаря. Картина Г. Каульбаха, авт. «Нивы».

коя, а сами никому его не даютъ.

— Во-первыхъ, я не увлекающійся, а во-вторыхъ, не ругайся.

— Я и не ругаюсь, — протянулъ Кальнишевскій, зѣвая. — Ну, что-жъ, будемъ вставать?

Оба они быстро одѣлись, перекидываясь шутивными фразами.

— А гдѣ у васъ чай пьютъ? — спросилъ Константинъ Ивановичъ.

— Тоже на балконѣ, но не раньше одиннадцати часовъ. Послѣ приѣзда сюда пили сначала въ восемь, потомъ въ девять, наконецъ въ десять, и довели чуть ли не до двѣнадцати, а обѣдъ въ два, вотъ и выбирай тутъ время для занятій. Это все твои дѣвицы надѣлали, — любятъ поспать.

— Почему же онъ мой, скорѣе твои: вѣдь ты съ ними занимаешься.

— Ну, это тебѣ лучше извѣстно. А кстати, скажи ты мнѣ, что вы зимой дѣлали?.. Вѣдь Лена еще туда-сюда, а стар-

шая... ей-Богу и въ четвертый классъ экзамена не выдержала бы. Ну, да все равно,—никогда и держать не будетъ, а вотъ, нужно выпить молока. Молоко, братъ, здѣсь великолѣпное.

Кальнишевскій ушелъ и скоро вернулся съ огромнымъ кувшиномъ въ лѣвой рукѣ и двумя побрякивавшими стаканами въ правой. Выпили молока и пошли въ паркъ.

И на деревьяхъ, и на водѣ, и на постройкахъ утро еще хранило свое свѣжее дыханье. Константину Ивановичу казалось, что идетъ онъ по этимъ широкимъ дорожкамъ, среди вѣковыхъ деревьевъ, не теперь, а въ пятидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія. И казалось ему еще, что онъ здѣсь когда-то былъ, только давно, давно. Думалось, что университетскій садъ, который онъ считалъ на рѣдкость большимъ и полнымъ поэзіи, также отличается отъ этого парка, какъ заигранный вальсъ „Невозвратное время“ отъ увертюры Антона Рубинштейна къ „Демону“. По тѣнистой и широкой липовой аллеѣ вышли на зеленую поляну. Трава здѣсь была короткая, шелковистая, изъ-подъ ногъ выпрыгнуло нѣсколько лягушатъ. Шагахъ въ двадцати босой крестьянинъ, въ красной рубахѣ навывпускъ,—косилъ. Замѣтивъ студентовъ, онъ приостановился и снялъ шапку.

— Надѣвай, надѣвай,—закричалъ ему Кальнишевскій.

— Мнѣ Кузьма уже говорилъ объ этой твоей манерѣ,—сказалъ Константинъ Ивановичъ.

— Кузьма у насъ философъ и дипломатъ въ то же время. Онъ съ трехъ словъ видитъ человѣка и соответствующимъ образомъ съ нимъ и держится. Есть вѣдь такія газеты, все тамъ извѣстно, все понятно, и найдется всегда статья, для каждаго пріятная. Мнѣ кажется, такимъ людямъ, какъ Кузьма, и въ каторжныхъ работахъ живется легко.

Подожли къ огромному пруду и сѣли на скамеечкѣ. Въ нѣсколькихъ шагахъ шелестѣлъ своими сухими листьями камышъ. Слева вода казалась зеленой, такъ низко спустились надъ ней листья огромныхъ плакучихъ ивъ. Хлюпая своими широкими носами, двѣ утки ловили ряску.

— Хорошо здѣсь. Вѣдь этакое богатство во всѣхъ смыслахъ!—сказалъ Константинъ Ивановичъ и вздохнулъ.

— Богатство-то, богатство, но за весьма солидную сумму въ дворянскомъ банкѣ заложенное.

— И выкупить нельзя?

— Отчего-жъ нельзя? Кто-нибудь да выкупить...—Кальнишевскій долго молчалъ, потомъ улыбнулся и спросилъ:— Слушай, скажи ты мнѣ, какъ попу на духу, какія чувства въ тебѣ возбуждаетъ Дина и какою она тебѣ представляется?

Константинъ Ивановичъ хотѣлъ-было отвѣтить уклончиво, но особое настроеніе, которое охватило его съ того момента, какъ, проснувшись, онъ подошелъ къ открытому окну,—не позволило лгать и потянуло подѣлиться мечтами о счастіи.

— По совѣсти говоря, кажется мнѣ, что Дина существо высшей духовной организаціи, много думающее, хотя и мало говорящее, желающее добра всѣмъ окружающимъ людямъ...

Кальнишевскій фыркнулъ и поперхнулся. Константинъ Ивановичъ покраснѣлъ, опустил голову и глухо проговорилъ:

— Видишь ли, я думаю, что попъ, которому люди на духу искренно говорятъ обо всемъ ими пережитомъ,—ни въ какомъ случаѣ не позволилъ бы себѣ смѣяться...

— Прости, голубчикъ, пожалуйста прости, это совсѣмъ противъ моей воли вышло.

— Какъ бы тамъ ни было, а разговору объ этомъ—конецъ.

— Ну, и прекрасно.

Когда было около десяти часовъ,—вернулись къ дому. На верандѣ всѣ уже были въ сборѣ. Ольга Павловна спросила Константина Ивановича, какъ онъ спалъ. Противъ, какъ и вчера, сидѣла Дина, и поэтому онъ отвѣтилъ, что паркъ ему очень понравился. Дина была одѣта въ прозрачную кофточку, и видно было, что она безъ корсета.

Дыханье Константина Ивановича само собою стало учащаться. Было пріятно пить почти холодный кофе, каждый глотокъ промачивалъ горло. Стараясь подавить волненіе, онъ думалъ:

„Неужели мое сердце сейчасъ бьется сильнѣе, только потому, что я вижу, какъ она дивно сложена? Не можетъ этого быть, не должно этого быть... Люблю, и потому не могу видѣть ее спокойно. А что такое любовь?..“

Было воскресенье, и барышни въ этотъ день не занимались. Поелъ чая Ольга Павловна, Дина и Леночка повели Константина Ивановича еще разъ осматривать усадьбу и всѣ ея достопримѣчательности.

Побывали въ конюшнѣ, видѣли тамъ караковаго Мама, на которомъ ѣздила верхомъ Дина, видѣли Арабчика, потомъ зашли въ каретный сарай, оттуда на скотный дворъ и наконецъ въ избу къ птичницѣ. Здѣсь было такъ много мухъ, что стѣны казались черными, и всѣ рамы въ окнахъ были не отворяющіяся и безъ форточекъ.

Леночка представила Федьку, сына птичницы, высокаго мальчика съ удивленными сѣрыми глазами, одѣтаго въ очень грязную рубаху. Всѣ поочередно стали его экзаменовать, и оказалось, что Федька дѣйствительно помнитъ, въ какой день празднуется память какого святого, отъ января и до августа.

— А вѣдь ему еще и двѣнадцати лѣтъ нѣтъ,—сказала Ольга Павловна.

— Да...—отвѣтилъ Константинъ Ивановичъ.

Во дворѣ навстрѣчу имъ прибѣжалъ Томка. Работая своими кривыми лапами, онъ обнюхивалъ Константина Ивановича.

— Не бойтесь, онъ не укуситъ,—сказала Леночка:—онъ только кошекъ душитъ.

Потомъ прошли къ пруду и хотѣли покататься на лодкѣ, но въ ней оказалась вода и мокрая солома, недоставало и одного весла.

Ольга Павловна увидала садовника и стала его спрашивать, почему въ лодкѣ грязно; къ ней подбѣжала и Лена.

— Скажите, здѣсь въ Знаменскомъ вы хорошо себя чувствуете,—лучше, чѣмъ въ городѣ?—спросилъ Константинъ Ивановичъ Дину.

— Да, здѣсь лучше.

— Почему лучше?

— Какъ вамъ сказать! Во-первыхъ, здѣсь мы занимаемся меньше. Затѣмъ можно ѣздить верхомъ и гулять одинѣмъ. Ну... ну, еще фруктовъ много бываетъ.

— Ну, а какъ вамъ нравятся крестьяне? Я ихъ совсѣмъ не знаю.

— Я тоже ихъ мало знаю. Иногда они бываютъ очень злые, вотъ замучили конокрада, говорятъ, руки ему переломали. Бабы, тѣ лучше, только глупыя, глупыя,—онѣ часто приходятъ къ мамѣ лѣчиться. Я тоже помогаю и объясняю, какъ нужно принимать лѣкарство, и все-таки онѣ ничего не понимаютъ; одна мазь съѣла...

— Вы бы могли быть женщиной-врачомъ?

— Нѣтъ, я боюсь крови и грязи.

Опять подбѣжала Леночка и при ней Константинъ Ивановичъ почему-то не могъ продолжать разговора съ Диной.

День окончился безъ всякихъ замѣчательныхъ происшествій. Вечеромъ много говорили съ Кальнишевскимъ о конокрадѣ и не могли столкнуться во мнѣніяхъ.

— Нужно какъ можно больше школъ, и школъ на-

стоящихъ, хорошихъ, земскихъ, — говорилъ Кальнишевскій.

— Однѣ школы не помогутъ. Нужно не только учить, но еще и воспитывать въ человѣкѣ человека...

Споръ ничѣмъ не кончился. Потушили свѣчу въ четверть третьего ночи. И мухи, которыхъ при огнѣ не было замѣтно, вдругъ загудѣли. Запѣлъ гдѣ-то комаръ.

XVI.

Засыпая, Константинъ Ивановичъ думалъ о Динѣ: „завтра мы съ нею поговоримъ много и хорошо... Снилось что-то пріятное, была тамъ и Дина. Потомъ представились почему-то экзамены на аттестатъ зрѣлости, и пѣлъ еще какой-то красивый голосъ. Не хотѣлось даже просыпаться.

Онъ еще лежалъ съ открытыми глазами, потомъ тихонько, чтобы не разбудить Кальнишевскаго, одѣлся и вышелъ. День наступилъ сѣренкій, прохладный. Въ домѣ еще вездѣ были спущены шторы. Константинъ Ивановичъ пошелъ по дорожкѣ ко двору и, облокотившись на калитку, сталъ смотрѣть туда.

Кузьма повелъ лошадей къ колодцу. Коровница и дѣвчонка, въ очень длинной юбкѣ, понесли изъ сарая молоко, въ двухъ металлическихъ ведрахъ. Возлѣ насыпаннаго изъ земли погребѣ ходили куры. Сбоку выскочилъ Томка и бросился на нихъ. Послышалось кудахтанье и куры, теряя перья, бросились въ разныя стороны. Одинъ только пѣтухъ остался на мѣстѣ, издавъ неопредѣленный рѣзкій звукъ и хотѣлъ-было клонуть Томку въ глазъ, но послѣ новаго нападенія бросился бѣжать, широко разставляя ноги.

— Ужъ я тебя, подлецъ, ужъ я тебя!.. — закричала изъ кухонной двери птичница.

Томка повернулъ голову направо, налѣво и спокойно, переваливаясь на своихъ кривыхъ лапахъ, ушелъ за погребъ.

Наплывла тучка, и все небо нахмурилось. По листьямъ вяза, росшаго возлѣ самаго забора, заторохтѣли все чаще и чаще дождевыя капли. Константинъ Ивановичъ укрылся подъ его вѣтвями. Скоро закапало и на фуражку и за шею. Изъ водосточной трубы на углу дома вдругъ вылетѣло нѣсколько соломинокъ, комокъ грязи, и сейчасъ же запрыгала грязная, дрожащая струя воды.

Константинъ Ивановичъ поднялъ воротникъ тужурки и скорымъ шагомъ вернулся во флигель.

— Что, братъ, подмочило? — спросилъ уже сидѣвшій на кровати Кальнишевскій.

— Немножко.

Чай пили въ этотъ день въ комнатѣ. Веѣ присутствовавшіе казались злыми. Тетя Лиза не выходила совсѣмъ. У Любови Петровны разыгрался флюсъ и она держала голову на бокъ. Затѣмъ Кальнишевскій съ барышнями ушелъ заниматься, а Константинъ Ивановичъ ходилъ взадъ и впередъ по столовой и разговаривалъ съ Ольгой Павловной.

Она долго рассказывала о томъ, какъ успѣшно лѣчить травами. Вспомнила, что въ саду у нихъ нашлась трава, очень похожая на Кузьмичову, и что Кальнишевскій не хочетъ сказать латинскаго названія этой травы, а только посмѣивается, между тѣмъ зная названіе очень важно. Потомъ Ольга Павловна рассказала о полученномъ отъ ея сестры письмѣ, въ которомъ та сообщала, что въ ихъ городѣ реалистъ седьмого класса застрѣлилъ четырнадцатилѣтнюю гимназистку, а затѣмъ покончилъ съ собой и оставилъ записку: „любилъ и убилъ“.

— Какъ это ужасно! — добавила она. — Воображаю положеніе родителей. Отчего это теперь такія вещи дѣлаются? Вѣдь я же еще не очень стара, а въ наше время такихъ страстей не бывало. Случались всякія романтическія убійства и самоубійства, но не въ такомъ же возрастѣ. Какъ я все-таки рада, что мои дѣвочки никогда не были и не будутъ въ гимназій.

„При чемъ тутъ гимназія?“ — подумалъ Константинъ Ивановичъ, но ничего не возразилъ.

Скоро ему стало скучно и, улучивъ моментъ, онъ ушелъ во флигель. Дождь уже пересталъ. По дорожкамъ кое-гдѣ блестѣли лужицы. Въ воздухѣ парило, а во флигелѣ было прохладно.

Мысли шли невеселыя и на душѣ будто разговаривали два голоса. Одинъ спокойно говорилъ: „ничего хорошаго, свѣтлаго здѣсь, въ Знаменскомъ, нѣтъ, жизнь самая обыкновенная... Другой голосъ кричалъ: „быть этого не можетъ, природа такая чудная, люди здоровые, а потому здѣсь должны быть и дѣятельность полезная и счастье настоящее“...

Около часа дня, тяжело топая ногами по ступенькамъ крыльца, прибѣжалъ Кальнишевскій, бросилъ на столъ какую-то истрепанную книгу и сейчасъ же заговорилъ:

— Ну, братъ, твоя Дина... Два часа въ день этихъ несчастныхъ занятій, и то ей въ тягость. Ольга Павловна полагаетъ, будто ея дочери всѣ науки превзошли, въ сущности же онѣ ни черта не знаютъ. Не понимаю, къ чему эта комедія? Я вѣдь отказывался, такъ Степанъ Васильевичъ не пускаетъ,—я думаю только потому, что въ моемъ лицѣ онъ потеряетъ партнера въ винтъ. Хочешь опять съ ними заниматься? Я сегодня же скажу...

— Нѣтъ ужъ, какой я учитель! А по отношенію къ Динѣ ты все-таки не правъ. Вѣдь не въ томъ же, въ самомъ дѣлѣ, цѣль жизни, чтобы умѣть рѣшать уравненія.

— Погоди, погоди. Я отлично понимаю, что ты хочешь сказать. Противъ ея лѣтъ я ничего не имѣю. Но у всякаго, самаго лѣниваго существа, есть еще хоть какая-нибудь область, его интересующая, а здѣсь такой области нѣтъ. И несчастный будетъ тотъ человѣкъ, который на ней женится. Знаешь, мнѣ кажется, я бы всегда и все могъ простить любимой женѣ, — даже физическую измѣну. Но чего бы я никогда не простилъ, — это пошлости ея идеаловъ. „Сыта, красива, хорошо одѣта,—мною интересуются, и больше ничего не хочу“. Этого бы я никогда не могъ простить.

— Не твоими грубыми руками копать въ нѣжной, совсѣмъ юной душѣ. Ничего ты тамъ не видишь и не понимаешь,—сказалъ Константинъ Ивановичъ и сурово посмотрѣлъ.

— Ну, хорошо. Инцидентъ исчерпанъ.

Послѣ обѣда солнце опять выглянуло, и всѣ повеселѣли. Часамъ къ пяти пріѣхалъ верхомъ на ворономъ, донскомъ жеребцѣ Брусенцовъ. Онъ не сошелъ съ сѣдла, а шагомъ объѣхалъ вокругъ двора, остановился возлѣ открытаго окна комнаты барышень и крикнулъ:

— Дина! Такъ хотите ѣхать со мной на заводъ, или нѣтъ?

— Да, да. Сейчасъ, я только мамѣ скажу, — послышался ея голосъ.

Константинъ Ивановичъ стоялъ на крыльцѣ. Въ тонѣ Брусенцова ему послышалась какая-то власть надъ Диной. Брусенцовъ съ нимъ поздоровался, едва приложивъ руку къ своей фуражкѣ съ краснымъ околышемъ. Сѣдло у него было кавказское съ насѣчкой и стремена чашечками. Своимъ синимъ кафтаномъ, туго стянутымъ по талии кавказскимъ же поясомъ, и посадкой онъ напоминалъ казака.

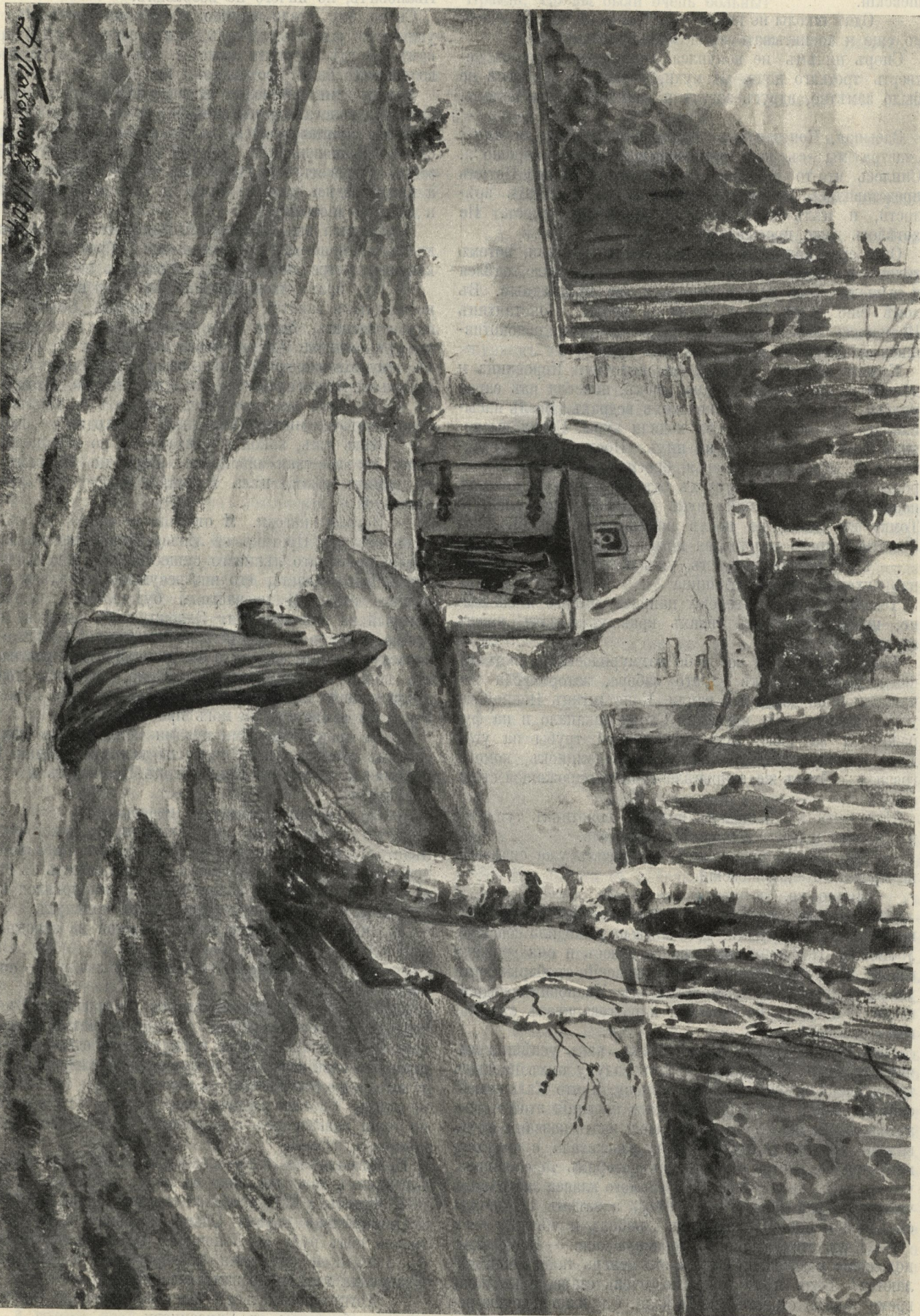
Пробѣжала по направленію къ конюшнѣ Анюта и тоненькимъ голосомъ, еще на ходу, закричала:

— Климмъ, а Климмъ, сѣдлай скорѣй барышнѣ Мамая!

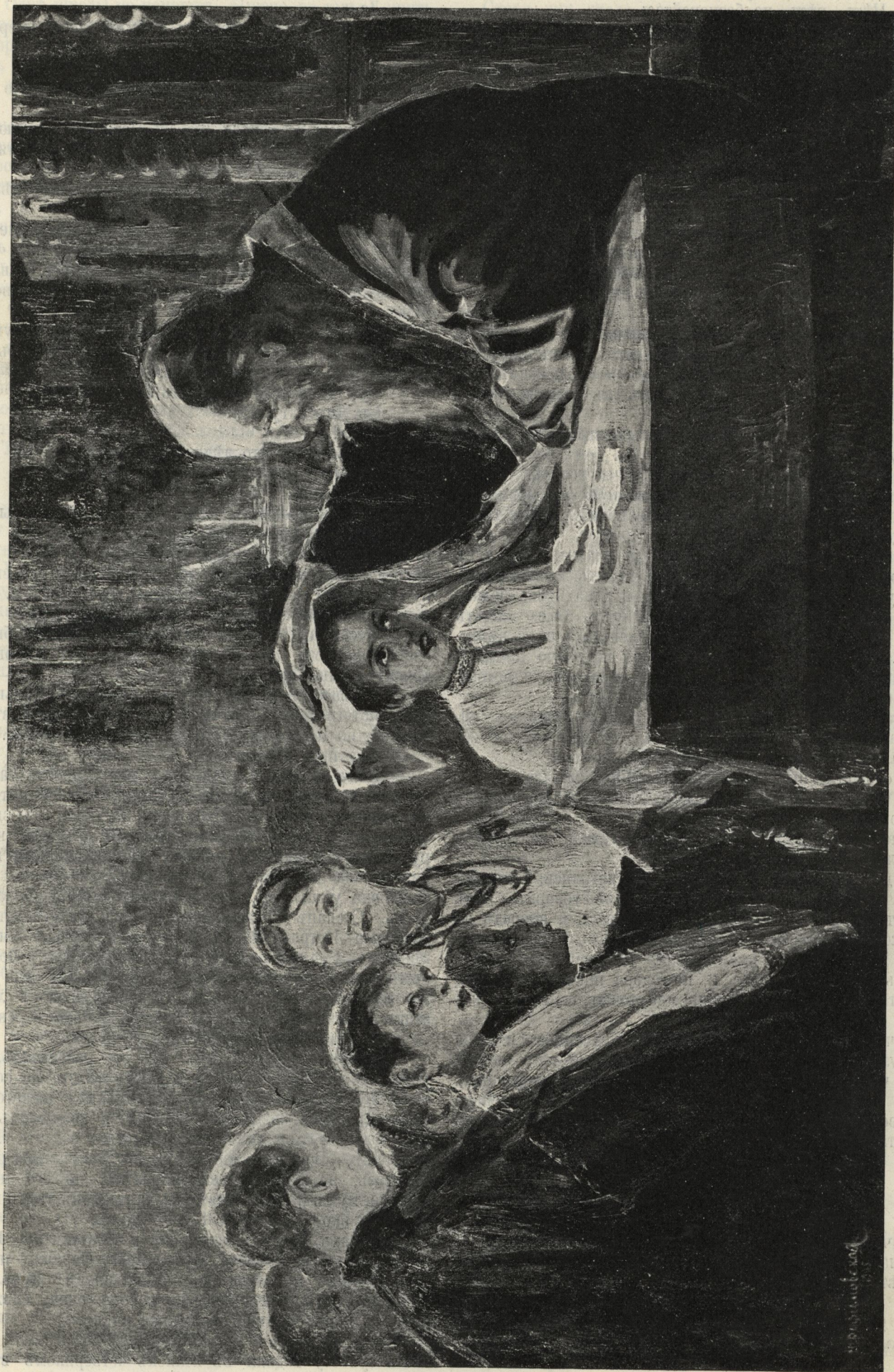
На крыльцо вышли Ольга Павловна и Любовь Петровна подъ руку съ Леночкой. Брусенцовъ соскочилъ съ лошади и со всѣми поздоровался, а Константина Ивановича такъ и не замѣтилъ.

— Хотите проѣхаться? — ласково спросила Ольга Павловна, обращаясь къ Брусенцову.

— Да. Не надолго. Меня соблазнило то, что нѣтъ пыли,—дождикъ прибилъ дорогу.

Вдали от мира. Рисунок А. Павлова, лит. «Нивы».

У исповеди. Картина Е. Трофимовской (Весенняя Выставка 1905), арт. «Нивы».

— Только пожалуйста, Андрей Петрович, не нужно скакать,— Динѣ это вредно...

— Нѣтъ, нѣтъ, не беспокойтесь.

— А въ слѣдующемъ году и я буду ѣздить верхомъ,— прощобетала Леночка.

Въ дверяхъ конюшни показался Кузьма. Поглаживая бороду, онъ говоритъ о чемъ-то съ Анютой.

— Кузьма, Кузьма, миленькій, скажи этому болвану Климу, чтобы скорѣе сѣдлалъ.— закричала изъ окна Дина.

Вышелъ на крыльцо и Степанъ Васильевичъ, заспанный взъерошенный, въ туфляхъ и съ сигарой въ зубахъ. Онъ поздоровался съ Брусенцовымъ и сказалъ:

— Ну что, вечеромъ роверочковъ пять сыграемъ?

— Я съ удовольствіемъ, только вотъ партнеровъ нѣтъ.

— Найдутся. Зиновій Григорьевичъ, вы, я, еще батюшку привлечемъ къ отвѣтственности.

— Что-жъ, хорошо.

Размахивая лѣвой рукой, безъ шапки, съ соломой въ волосахъ, Климъ подвелъ осѣдланнаго Мамаю. Брусенцовъ опять сѣлъ на свою лошадь и продолжалъ разговаривать. Потомъ онъ подѣхалъ къ окну и громко сказалъ:

— Ну, что же вы, Дина, я больше ждать не буду и поѣду одинъ.

— Сейчасъ, сейчасъ,— прозвенѣлъ ея голосъ.

„Онъ не родственникъ, а называетъ ее прямо по имени“,— подумалъ Константинъ Ивановичъ, и ему стало досадно.

Въ дверяхъ послышался шелестъ платья. Держа въ правой рукѣ шлейфъ, а въ лѣвой хлыстъ, вышла Дина. Она улыбалась, глаза ея блестѣли, и одна бровь поднялась выше другой. Низенькій цилиндръ былъ надѣтъ чуть на бокъ. Синяя вуалетка затрепетала подъ вѣтеркомъ. Дина оперлась одной рукой на плечо Клима и поставила свою ногу на его широкую ладонь, а потомъ однимъ прыжкомъ очутилась на лошади.

„Какъ она красива, какъ она красива! И къ чему ей, въ самомъ дѣлѣ, алгебра и все то, для чего она не создана...“— думалъ Константинъ Ивановичъ.

И сердце у него тревожно и ревниво заняло.

— Ну-съ, до скораго свиданья,— сказалъ Брусенцовъ и тронулъ колѣномъ своего коня.

Совсѣмъ рядомъ, они шагомъ выѣхали со двора и скрылись за деревьями.

И до тѣхъ поръ, пока они не возвратились, Константинъ Ивановичъ не могъ ни съ кѣмъ говорить. Онъ ушелъ въ паркъ и долго ходилъ взадъ и впередъ по далекой дорожкѣ. Было такъ грустно, что, казалось, словами этого и выразить нельзя. Приходило на мысль встать завтра пораньше и, не говоря никому ни слова, уѣхать. Ни одной свѣтлой минуточки ожидать здѣсь было уже нечего.

Вечеръ наступилъ ясный, теплый. Брусенцовъ и Дина вернулись къ семи часамъ. На балконѣ Анюта накрывала чайный столъ, а сбоку стоялъ другой, карточный. Дина была уже въ полукороткомъ платьѣ и гладенько причесанная. Совсѣмъ неожиданно, она сама подошла къ Константину Ивановичу и спросила:

— А вы верхомъ не ѣздите?

— Нѣтъ,— отвѣтилъ онъ глухо.

— Хотите пройти по парку?— спросила она.

— Хорошо.

И черезъ пять минутъ на душѣ у Константина Ивановича снова было уже легко. Дина говорила мало, но привѣтливо и просто.

— Надоѣло вамъ учиться?— спросилъ онъ.

— Страшно надоѣло. Да это, кажется, уже послѣдній годъ...

— А потомъ что?

— Потомъ...— не знаю. Можетъ-быть, мы съ мамой на всю зиму за границу уѣдемъ. Только мнѣ не очень

хочется. Лучше Знаменскаго ничего нѣтъ на свѣтѣ... Правда, что вы были очень больны?

— Да.

— Кальнишевскій говорилъ, что вы могли умереть, и мнѣ васъ было жалко.

— Вамъ нравится Кальнишевскій?

— Такъ себѣ. Злой онъ часто бываетъ... Не очень нравится.

Возлѣ дома встрѣтили Любовь Петровну и тетю Лизу и пошли вмѣстѣ. Разговоръ уже не клеился. Тетя Лиза посмотрѣла на Дину и сказала:

— Когда всѣ сидятъ за столомъ, то одной дѣвушкѣ не хорошо уходить.

„А меня она, значить, и за человѣка не считаетъ?“— подумалъ Константинъ Ивановичъ.

Выпивъ стаканъ чаю, онъ сказалъ Ольгѣ Павловнѣ, что хочетъ написать товарищу письмо, и ушелъ во флигель.

Кальнишевскій лежалъ на кровати съ потухшимъ окуркомъ въ зубахъ. Выраженіе лица у него было не то грустное, не то озабоченное.

— Ну, гдѣ былъ?— спросилъ онъ.

— Съ Диной гулялъ.

— Даже!

— Даже. А ты что дѣлаешь?

— А вотъ лежу и думаю думы невеселыя.

— А именно?

— А именно о томъ, что если бы не нужны были такъ деньги, то взялъ бы и уѣхалъ отсюда. Я теперь рѣшилъ на компромиссъ пойти. Буду съ Леной заниматься добросовѣстно, а съ Диной столько, сколько нужно, чтобы она читать и писать не позабыла. Ну, о чемъ ты съ ней говоришь, напримѣръ, сегодня?

— Такъ, ни о чемъ серьезномъ. Можетъ-быть, и серьезные темы тронули бы, да встрѣтили Любовь Петровну и тетю Лизу.

— Удивительныя двѣ фигуры,— сказалъ Кальнишевскій, потягиваясь. — Тетя Лиза, положимъ, извѣстная идиотка, но и Любовь Петровна не далеко ушла..

— Она просто глупа.

— Нѣтъ не скажи. Иногда у нея бываютъ такъ-называемыя lucida intervalla, и тогда съ ней интересно поговорить. Ея исторія вѣдь очень странная. Ты знаешь, она не такъ стара,—ей всего тридцать два года, но старухой она выглядит не даромъ. Лѣтъ двѣнадцать назадъ она попала въ этотъ домъ въ качествѣ бонны. Ольга Павловна уѣхала съ дѣвочками въ Петербургъ къ роднымъ. Степанъ Васильевичъ остался съ сыномъ и съ Любовью Петровной. Въ результатѣ явилась ея беременность. Гдѣ она рожала, и куда они дѣвали ребенка,— этого ужъ я точно не знаю. Должно-быть, онъ умеръ. Но дѣло въ томъ, что она и до сихъ поръ любить этого пьяницу, и не только любить, а даже и ревнуетъ.

— А Ольга Павловна объ этомъ знаетъ?

— Кузьма, который мнѣ все это разсказалъ, говорить, что не знаетъ. Я же думаю, что это не совсѣмъ такъ. Несомнѣнно она знаетъ. Мнѣ даже кажется, что Ольга Павловна поэтому и не живетъ съ мужемъ круглый годъ. А какъ она сумѣла простить все это Любови Петровнѣ,—Богъ ее знаетъ... Одинъ знаменитый русскій писатель, на вопросъ, счастливы ли, по его мнѣнію, данные мужъ и жена, отвѣтилъ такъ: „объ этомъ могутъ знать только онъ, она и Богъ“. Да-а...

Отъ всѣхъ этихъ разговоровъ у Константина Ивановича разболѣлась голова. Онъ надѣлъ фуражку и долго ходилъ взадъ и впередъ по темной аллеѣ. Думалось о томъ, что жизнь человѣческая вообще очень сложна, и до сихъ поръ онъ ее совсѣмъ не знаетъ.

XVII.

Въ субботу ѣздили въ коляскѣ четверикомъ въ церковь, въ сосѣднее большое село Колдобино. Кальнишевскій остался дома, и Константинъ Ивановичъ сидѣлъ на

его мѣстѣ, противъ Дины. Разсудокъ говорилъ: „и зачѣмъ ты здѣсь, въ семьѣ, съ которой у тебя нѣтъ ничего общаго, зачѣмъ волнуешься, глядя на дѣвушку, которая ни физически, ни морально никогда не будетъ тебѣ близка?..“ А другой голосъ стыдливо шепталъ: „мнѣ хорошо, когда я возлѣ нея...“

Проѣзжали мимо усадьбы Брусенцова. Домъ его былъ такой же одноэтажный, съ мезониномъ, какъ и въ Знаменскомъ, только побольше. Константинъ Ивановичъ думалъ, что жить тамъ одному, вѣроятно, очень скучно, и поэтому Брусенцовъ непременно женится на Динѣ.

За недѣлю рожь очень поднялась; отъ нея волнѣ шелъ крѣпкій, очень пріятный запахъ. Колдобинская церковь стояла на краю села. Изъ-за новаго тесоваго забора, окружавшаго ее, выглядывали березки съ такими тонкими вѣтвями, какъ на картинахъ Левитана. Вечерня только-что началась. Мужики и бабы, шаркая ногами, раздвинулись, пропуская впередъ Орѣховыхъ. На клиросѣ хоръ школьниковъ пѣлъ „Благослови, душе моя, Господа“...

Константинъ Ивановичъ не былъ въ церкви съ самой Пасхи. Хорошее пѣніе, запахъ ладона, лица дѣйствительно молившихся крестьянъ, — все это производило сильное впечатлѣніе. Онъ стоялъ рядомъ съ Диной. Нѣкоторые мотивы казались похожими на вѣнчальные, и тогда становилось и страшно, и сладко, и хотѣлось жить только этимъ моментомъ. Когда запѣли „Свѣте тихій“, мужики и бабы закрестились и стали бить поклоны, многія губы что-то шептали.

Совершенно неожиданно для себя перекрестился и Константинъ Ивановичъ и мысленно произнесъ: „Господи, прости, если я вѣрю не такъ, какъ слѣдуетъ, но я знаю, что Ты несомнѣнно существуешь, и прошу Тебя, сдѣлай такъ, чтобы она, рано или поздно, была моею женой...“ И больше ни о чемъ молиться онъ не могъ, а только думалъ, что никогда ни Кальнишевскому, и вообще никому, не скажетъ объ этомъ моментѣ.

Назадъ ѣхать было еще лучше, и хотѣлось, чтобы коляска какъ можно дольше рокотала своими ресорами по мягкой дорогѣ, хотѣлось безъ конца глядѣть на силуэтъ Дины и на зеленоватое небо надъ головою. Ольга Павловна закурила папирску; ея лицо на секунду освѣтилось красноватымъ огнемъ. Глаза какъ будто глядѣли грустно. Здѣсь, въ Знаменскомъ, она говорила гораздо меньше, и тембръ голоса у нея былъ такой, какъ въ тѣ дни, когда въ городъ пріѣзжалъ мужъ. Константинъ Ивановичъ вспомнилъ все, что слыхалъ вчера отъ Кальнишевскаго, и ему стало жаль эту барыню, принужденную вѣчно скрывать свое горе.

— Скажите, Ольга Павловна, правда ли, что этой зимой вы собираетесь за границу?—спросилъ онъ.

— Да. Мнѣ докторъ совѣтовалъ провести нѣсколько мѣсяцевъ въ Киссингенѣ. Вѣроятно, я возьму съ собой и барышень, пусть посмотрятъ людей. А вы что собираетесь дѣлать?

— Мнѣ нужно учиться. Я вѣдь на второй годъ остался изъ-за этой болѣзни. Впрочемъ, еще возможно, что мнѣ разрѣшатъ держать экзамены осенью.

— Я ужасно боялась за васъ. Досадно, что вы не могли поѣхать сейчасъ же вмѣстѣ съ нами. Степанъ Васильевичъ пригласилъ Кальнишевскаго, и потомъ уже неловко было ему отказать. Вы это понимаете?

— Да.

Когда пріѣхали домой, то во всѣхъ комнатахъ было темно: никто не распорядился зажечь лампы. Ольга Пав-

ловна разсердилась и еще въ передней стала кричать на Анюту. Огонь горѣлъ только въ кабинетѣ у Степана Васильевича, и барышни, не снимая шляпъ, прошли туда, а за ними и Константинъ Ивановичъ.

— Ну, что, какъ вамъ понравилась Колдобинская церковь?—спросилъ онъ и сталъ заклеивать языкомъ какой-то конвертъ.

— Симпатичная.

— А хоръ?

— Хоръ отличный.

— Это Брусенцовъ его такъ оборудовалъ. Онъ и регента выписалъ. У насъ тоже недурно поютъ. Вотъ во вторникъ, на Петра и Павла,—сходите. Вся наша церковно-приходская школа, это ужъ дѣло моихъ рукъ.

Константинъ Ивановичъ глядѣлъ на его двигавшіяся баки и думалъ: „а то, что ты третируешь, какъ горничную, дѣвушку, которая отъ тебя имѣла ребенка, это тоже дѣло твоихъ рукъ?“ И все выраженіе лица, и особенно баки Орѣхова—казались ему особенно противными.

— Вамъ на почту не нужно?—спросилъ Орѣховъ и поднялъ голову.

— Нѣтъ, а что?

— Да я на станцію посылаю.

— Нѣтъ, спасибо.

Вечеромъ на балконѣ опять винтили и пили чай. Кромѣ Брусенцова пріѣхалъ еще помощникъ исправника и пришли регентъ съ батюшкой. Взялъ карту и Кальнишевскій, и поэтому играли съ выходящимъ.

Брусенцовъ каждый разъ, когда былъ свободенъ, садился за чайный столъ и просилъ налить себѣ „только полстаканчика“. Губы его насмѣшливо улыбались, а глаза шурились. Фуражка все время была на затылкѣ.

Константину Ивановичу захотѣлось съ нимъ поговорить, и онъ спросилъ:

— Отчего вы ходите всегда въ поддевкѣ?

— Оттого, что я русскій,—отвѣтилъ Брусенцовъ, не глядя на него, и бросилъ хлѣбнымъ шарикомъ прямо Динѣ въ лицо.

— Ну,—простонала она и улыбнулась.

— Вы были на юридическомъ факультетѣ?—опять спросилъ Константинъ Ивановичъ.

— Вотъ именно.

Брусенцовъ снова бросилъ шарикомъ въ Дину. Константинъ Ивановичъ молча ушелъ съ балкона. На дорожкѣ встрѣтилась Любовь Петровна, и они пошли рядомъ.

— Нравится вамъ паркъ?—спросила она.

— Очень.

— Вѣдь ему уже лѣтъ сто есть, а можетъ-быть, и больше. Много, много видѣли эти деревья...—И она вздохнула.

— Да. Ну, простите, мнѣ нужно еще къ себѣ, кое-что хочу написать до ужина.

— Вы все письма пишете?

— Да, дѣлюсь впечатлѣніями,—солгалъ онъ.

Въ этотъ вечеръ окончилась ровно недѣля съ тѣхъ поръ, какъ онъ сюда пріѣхалъ. И Константину Ивановичу казалось, что теперь ему уже все извѣстно и понятно, и оставаться здѣсь больше не нужно. Звѣзды тихо горѣли вверху.

Слѣдующіе два дня прошли безцвѣтно. Каждая встрѣча и каждый разговоръ съ Диной оставляли на душѣ боль, точно послѣ тяжелаго личнаго оскорбленія.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Блудный сынъ. Картина Ж. Мёнье, авт. «Нивы».

Первый всероссийский съезд представителей дворянства въ Москвѣ, въ большомъ залѣ благороднаго собранія, съ 7 по 11 января 1906 г.

„Одержимая“.

Разсказъ М. М. Читау.

«Дорогая моя! Подательница этого письма, Марія Матвѣвна Лазарева, провинціалочка, очень бѣдная и несчастная дѣвушка; не откажите помочь ей. Я старалась приспособить Марію Матвѣвну къ какому-нибудь дѣлу, но ничего подходящаго для нея приискать не могла. Одна надежда на театр, къ которому она чувствуетъ непреодолимое влеченіе. Я не могу судить, есть ли у нея талантъ, и умоляю васъ, какъ опытную артистку, прослушать мою протѣжу и пристроить ее на сцену, хотя бы на самыя маленькія роли.

Преданная вамъ Лидія Васильева».

«Наивная эта Лидія Ивановна, — подумала я, прочитавъ письмо: — она полагаетъ, что такъ легко попасть на сцену «хотя бы на маленькія роли». Но отказать «наивной» Лидіи Ивановнѣ въ просьбѣ не было никакой возможности, во-первыхъ потому, что это была первая ея просьба, а во-вторыхъ потому, что сама я много разъ пользовалась неизсякаемой добротой Лидіи Ивановны. Я даже обрадовалась случаю воздать Лидіи Ивановнѣ по дѣламъ ея и торопливо приказала горничной, ожидавшей отвѣта, попросить барышню, принесшую письмо, войти ко мнѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ портьера, отдѣлявшая мою комнату отъ передней, слегка зашевелилась сперва по серединѣ, потомъ сбоку, точно ее не умѣли или не рѣшались раздвинуть.

— Войдите, дѣточка, — возможно ласкѣе проговорила я, раздвигая портьера, и очутилась передъ маленькимъ, худенькимъ существомъ, облаченнымъ въ черное платье, похожее на подрясникъ.

«Дѣточка» низко поклонилась и пропищала что-то въ родѣ «Спаси Господи».

— Ну, здравствуйте, Марья Матвѣвна, познакомимся, — сказала я, подавая ей руку.

Марья Матвѣвна поспѣшно протинула мнѣ свои квадратныя блѣдныя пальчики, вытянутые прямо какъ пять клавиш; на мое рукопожатіе клавиши не отвѣтили, безжизненно лежали въ моей рукѣ и затѣмъ были быстро убраны подъ бѣлый шелковый платокъ, покрывавшій голову и плечи гостыи.

— Ну, садитесь и потолкуемъ... Марья Матвѣвна.

Я уже не рисковала назвать Лазареву дѣточкой, такъ какъ по лицу ея никакъ нельзя было опредѣлить, двадцать ли ей лѣтъ или всѣ сорокъ.

— Я и постою-съ, — сдавленнымъ шепоткомъ возразила Марья Матвѣвна, но вдругъ покачнувшись, ухватилась за стулъ и почти упала на него.

— Что съ вами? — бросилась я къ Лазаревой и тревожно всмотрѣлась въ ея изсиня-блѣое, какъ снятое молоко, лицо съ необыкновенно большимъ лбомъ.

— Ничего-съ... не беспокойтесь... ахъ!.. право!.. Это со мной бываетъ отъ испуга.

Я подала ей стаканъ воды.

— Благодарствуйте-съ... напрасно беспокоитесь, — привстала Марья Матвѣвна, дрожащими руками принимая стаканъ и расплескивая воду на коверъ.

Я чувствовала, что надо бы приласкать Лазареву, но въ то же время меня охватило физическое отвращеніе къ этой блѣлой дѣвушкѣ, напоминавшей мнѣ бѣлаго таракана; мнѣ чудилось даже, что она наполнила всю комнату запахомъ кислаго молока; воображенію представился бѣлый тараканъ, ползущій изъ водопроводной раковины, и я даже вздрогнула.

Тѣмъ временемъ Марья Матвѣвна нѣсколько оправилась, хотя руки ея продолжали дрожать и она долго не могла привести въ порядокъ выбившихся изъ-подъ платка космы своихъ изжелта-бѣлыхъ прямыхъ волосъ.

— Успокойтесь, успокойтесь, — ласково заговорила я: — давайте потолкуемъ ладкомъ. Я люблю сцену и вы любите ее — вотъ ужъ у насъ и общая слабость нашлась, а это всегда помогаетъ людямъ сойтись ближе. Вы давно въ Петербургѣ?

Лазарева потупилась и ничего не отвѣтила.

— Вы у Лидіи Ивановны остановились?

— Да-съ, — послѣдовалъ короткий отвѣтъ.

Послѣ нѣкоторой паузы я снова попробовала вызвать мою гостью на разговоръ о театрѣ.

— Вы часто бывали въ театрѣ? — спросила я.

— Одинъ только разокъ-съ, — проговорила Марья Матвѣвна, складывая ручку на ручку и подвигаясь на край стула.

— Одинъ?.. Что же видѣли?

— Не помню-съ названія... память у меня очень плохая, а только очень хорошая игра была.

— Изъ какого же быта была пьеса?

Марья Матвѣвна въ недоумѣніи молчала.

— Кого изображали: купцовъ? крестьянъ? свѣтскихъ людей? царей? царицъ? бояръ? — пояснила я свой вопросъ.

— Не помню-съ... я это все какъ въ сонномъ видѣніи узрѣла... Лѣсъ былъ и баринъ съ барышней объ руку ходили, разгуляться вышли, а тутъ злодѣи ихъ разлучили... Царь былъ и царица тоже... Представлять кончили, а я все сижу...

Брови Марьи Матвѣвны вдругъ испуганно поднялись и она торопливо добавила:

— Потихоньку я тамъ была и потомъ все боялась, чтобы, храни Богъ, не узнали.

— У васъ были очень строгіе родители?

— Родители мои померли; во единый день оба преставились, и маленька и папенька, когда мнѣ восьмой годокъ пошелъ. Тетенька моя, монахиня, меня тогда къ себѣ взяли, я при нихъ въ монастырѣ и росла.

Марья Матвѣвна совсѣмъ оправилась и даже съ нѣкоторымъ одушевленіемъ разсказала о своемъ сиротствѣ: фактъ этотъ, видимо, возбуждалъ къ ней всегда интересъ и сочувствіе слушателей. Я же насторожилась и внимательно слушала: такую, какъ Марья Матвѣвна, я видѣла въ первый разъ, а она, польщенная моимъ вниманіемъ, продолжала:

— Тетенька были прозорливицы и провидицы, прозрѣвали, и что было, и что есть, и что будетъ могли иной разъ... такъ я и боялась все, чтобы онѣ про театръ не узнали; со страху и не ходила больше туда; но только глаза, бывало, закрою — сейчасъ вижу, какъ тамъ представляютъ.

— Но почему вамъ самой хочется поступить въ театрѣ? Вы бы могли лучше заниматься тѣмъ, чему васъ уже обучили въ монастырѣ. Вы, вѣрно, знаете разныя работы, въ монастыряхъ, вѣдь, искинницы по этой части...

Марья Матвѣвна испугалась, какъ будто даже разсердилась и горячо запротестовала:

— Никакихъ работъ я не знаю! Какія работы? Все одно и то же; подушки гарусомъ я вышивала, точно; вышивала для благодѣтелей, ну коврики тамъ, да рисунковъ хорошихъ не было... Старшая живописица къ писанію образовъ меня приохочивала, такъ дара у меня къ этому нѣтъ... я только вышивать... Лидія Ивановна ужъ справлялись — никто здѣсь такой работы не даетъ, да я и не могу долго работать: голова кружится. Нѣтъ, ничего этого я не могу-съ, увольте!..

«Чему ее научить и научишь ли такую? — мысленно терзалась я, глядя на безформенную фигуру Лазаревой, на ея тупое, некрасивое лицо и странные глаза безъ взгляда. — И сколько ей можетъ быть лѣтъ?»

— Сколько вамъ лѣтъ? — обратилась я къ Лазаревой.

Глазки Марьи Матвѣвны безпокойно забѣгали и она еле слышно пробормотала:

— Двадцать восемь лѣтъ... двадцать девятый пошелъ.

«А можетъ-быть въ этой безформенной фигуркѣ талантъ сидитъ, — думалось мнѣ: — Лидія Ивановна объ ея образованіи похлопочетъ, а затѣмъ можно чтеніемъ развить ее...»

— Вы любите читать? Много читали? — начала я разспрашивать Марью Матвѣвну.

Принявъ притворно скромный видъ, она отвѣтила:

— Изъ свѣтскаго мало-съ; книгъ негдѣ было доставать, да какъ ихъ спрятать отъ тетеньки? — она понизила голосъ и продолжала, какъ бы сообщая нескромную тайну: — читала только сестру Анну, сочиненіе господина Лекока; очень хорошая книжка... какъ ее сообразилъ одинъ... Я ее пять разъ прочитала!.. А потомъ еще одна книжка поалася о сыщикѣ Польдекока... про убійство тамъ что-то... не помню теперь. Мнѣ въ этой книжкѣ больше всего понравилось, какъ онъ любилъ Марію...

Лазарева было-закатила глазки, но тотчасъ же спохватилась и небрежно добавила:

— А еще только басни Крылова читала; ну, это для дѣтей, конечно, антирочно, а...

Я ухватилась за возможность послушать чтеніе Лазаревой презираемыхъ ею басенъ Крылова, такъ какъ излюбленныхъ ею Лекока и Польдекока не имѣлось въ моей библиотекѣ. Надѣясь, что у протѣжи Лидіи Ивановны, можетъ-быть, въ какой-нибудь фразѣ, въ одномъ словечкѣ мелькнетъ искра Божія, я быстро отыскала и подала Марьѣ Матвѣвнѣ томикъ басенъ Крылова, пригласивъ ее прочитать мнѣ любую басню, не стѣняясь, какъ умѣетъ.

— Да я, право, такъ худо читаю, — скромно опустивъ глазки, отпѣкивалась Марья Матвѣвна, но не волновалась, видимо считая затѣянное мною чтеніе дѣломъ несерьезнымъ.

— Что же читать-съ? — наконецъ согласилась она.

— Ну, вотъ «Ворону и Лисицу» знаете?

— Нѣтъ-съ.

— Ну «Слонъ и Моська», знаете, конечно?

— Нѣтъ-съ; можетъ-быть, и читала да забыла. У меня памяти совсѣмъ нѣтъ-съ.

— Ну вотъ «Два Голубя», — не унималась я.

— Эту какъ будто помню-съ... это гдѣ онъ уѣзжалъ, а она его уговариваетъ остаться?

— Да, да!

— А потомъ онъ вернулся и вовсе лугономъ сдѣлался и съ моста провалился?

Я еле удержала улыбку и поощрительно проговорила:

— А вотъ вы прочитайте — тогда и увидимъ, что съ нимъ сдѣлалось.

Лазарева наморщила брови, сперва пошептала про себя, а потомъ стала читать басню вслухъ чуть не по складамъ, на «о», безъ признака выраженія и съ самыми фантастическими остановками:

«Два голубя как два родные. Брата жили. Друг без друга они не жили и не пили.»

«Да что, поемблялась, что ли, надо мной Лидия Ивановна,—думала я между тем,—или из усердия помочь ближнему не разглядывала свою Марию Матвеевну... Развѣ заставить это чучело разсказать мнѣ что-нибудь, авось мелькнет искра Божія?..»

— «Диковинки зѣмнаго круга»,—еле дотянула Лазарева и уронила книгу на столъ.

— Больше не могу-съ, извините,—проговорила она и стала усердно вытирать потъ, крупинками выступившій на ея громадномъ лбѣ.

— Ну, гдѣ вамъ, такой слабойкой, въ міру жить!—преодолевая свое отвращеніе, я погладила Марию Матвеевну по головѣ и ласково спросила ее:—отчего вы въ монастырь не остались?

Мария Матвеевна такъ и всколыхнулась:

— Ахъ, что вы! что вы это! Въ монастырь... развѣ можно? Мысли не тѣ у меня были. Развѣ можно съ такими мыслями?.. Нѣтъ, ужъ вы меня, сдѣлайте такую милость, ужъ вы меня въ театръ... и Лидія Ивановна общалась... сдѣлайте такую милость.

Лазарева бросилась ко мнѣ и обнаружила намѣреніе облобызать мои руки. Я почти силой усадила ее, уговаривая успокоиться, но она, не слушая меня, возбужденно продолжала:

— Нѣтъ, ужъ не неловко вы меня ни въ монастырь, ни къ работѣ. Тетенька покойница вотъ такъ же уговаривали—въ монастырь, а развѣ это можно?.. Если бѣлица изъ монастыря уйдетъ, замужъ выйдетъ, такъ Богъ накажетъ!.. Известно, что такимъ счастья никогда не бываетъ... Ахъ, сколько муки я приняла, неужели же еще мнѣ мучиться?..

— Да никто васъ мучить не собирается, и развѣ могу я васъ силой заставить?.. Ну, не будемъ говорить объ этомъ,—старалась я перемѣнить разговоръ.

— Нѣтъ-съ. Я вамъ все расскажу. Лидія Ивановна велѣли,—наставляла Мария Матвеевна и, утеревъ выступившія на ея глазахъ двѣ крупныя слезинки и подправивъ подъ платокъ космы растрепавшихся волосъ, быстро заговорила.—Я все у тетеньки просилась, чтобы отпустили онѣ меня, а онѣ все говорятъ бывало: «похорони меня сперва и тогда ужъ иди, куда хочешь», но сами въ себѣ думали, что я привыкну и вовсе останусь въ монастырь. Какъ тутъ быть? Господи! и тетеньку я замѣсто матери почитаю, и въ миръ-то меня тянетъ... словно надвое мое сердце раскололось и покоя мнѣ нѣтъ. Искушеніе!

— Вѣдь пускала же васъ тетя хоть изрѣдка за предѣлы монастыря, не все же вы съ ней сидѣли? И подружки, конечно, были у васъ, молоденькія бѣлочки?

— Мать казначей брала меня въ ряды за покупками. Бывало, велитъ заложить Савраску; Евфросинья, бѣлица, за кучера была у насъ, и побѣдомъ. Да что это за бѣда! Берегли онѣ, монашеники-то, монастырскихъ лошадей. У насъ лошади какъ борова, раскормлены, еле двигаются: трухи - трухи! А мнѣ все хотѣлось, чтобы поскорѣй фхатъ, чтобы пыль столбомъ, колесомъ объ тунбу задѣтъ!..

Мария Матвеевна вздохнула.

— А къ бѣлицамъ меня за сказки подпущать перестали,—какъ бы нехотя добавила она.

— За сказки? Вы умѣете сказки разсказывать, а говорили, что ничего не помните.

— Прежде я много сказокъ знала и изъ своей головы выдумывала, складно такъ сказывала, про всякую бѣлицу, бывало, сказку слоку.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Пробужденіе Китая.

Манчжурская война и, быть-можетъ, нѣсколько преждевременно закрѣпленный въ Портсмутѣ нашъ проигрышъ въ ней не могли пройти безслѣдно для національнаго самосознанія желтаго міра. Первая побѣда надъ Европою пробудила дремлющую гордыню Азии. Народы Востока, многіе изъ которыхъ до сихъ поръ покорно несли цѣпи рабства, начинаютъ шевелиться, пробовать силу и крѣпость своихъ мышцъ и выражаютъ сердитое недовольство противъ бѣлыхъ властителей. Покоренная англичанами Индія еще терпитъ чужеземное иго, главнымъ образомъ потому, что она и до сихъ поръ остается раздѣленной на множество полувисимыхъ государствъ, находящихся подъ общимъ управленіемъ англійскихъ резидентовъ. Отсутствие объединенія ослабляетъ силу національнаго протеста. Подобно удѣльной Руси, Индія обезсилена своимъ политическимъ раздробленіемъ. Китай и Японія, наоборотъ, сильны своимъ единствомъ. Сознаніе своей силы и мирового значенія внушило японцамъ дерзость даже вмѣшаться, до нѣкоторой степени, во внутренній дѣла своихъ союзниковъ. Связавъ себя обязательствами съ Англійей въ смыслѣ взаимной поддержки и на сушѣ и на морѣ, Японія не можетъ не интересоваться истинными размѣрами той военной помощи, которую въ случаѣ нужды можетъ оказать ей ея союзница. Тѣмъ не менѣе, когда японскій военный министръ заговорилъ въ парламентѣ о необходимости нѣкоторыхъ преобразованій въ военной организаціи союзниковъ, слова его были приняты англичанами почти какъ національное оскорбленіе и вызвали въ англійской печати бурю негодованія. Дипломатія обоихъ государствъ, разумѣется, поспѣшила тотчасъ же замѣять несприятный эпизодъ, но все-таки послѣ него остался на душѣ у союзниковъ очень несприятный осадокъ. Дѣло въ томъ, что сухопутныя силы Англійи, действительно, и плохо организованы, и въ количественномъ отно-

шеніи недостаточны. Объ этомъ свидѣлствуетъ не только японскій министръ, но и собственный англійскій фельдмаршалъ, лордъ Робертсъ, нарочно вышедшій въ отставку, чтобы посвятить себя пропагандѣ военнаго обновленія своей страны. Зная, что его сограждане развѣ только въ самомъ крайнемъ случаѣ согласятся на введеніе всеобщей воинской повинности, почтенный побѣдитель буровъ предложилъ собрать многочисленный фондъ изъ частныхъ пожертвованій для чуть не всеобщаго добровольнаго обученія военному дѣлу, но его агитація не увѣчалась успѣхомъ и дала лишь ничтожный сборъ.

Такимъ образомъ, военная сила Англійи остается на прежнемъ уровнѣ, а необходимость въ ней чрезвычайно быстро растетъ, благодаря подготовленному ею же разгрому Россіи на Востокѣ. Теперь она начинается пожинаать плоды того, что посѣяла. Еще Богъ знаетъ, какъ сложатся въ будущемъ ея отношенія съ той же Японіей, которая, быть-можетъ, скоро сдѣлается врагомъ своего союзника и, почувствовавъ окрѣпшую силу, не захочетъ поддерживать дальше господство главнаго поработителя и эксплуататора народовъ Востока. Во всякомъ случаѣ и теперь уже необходимость считаться съ національнымъ пробужденіемъ Китая заставляетъ англичанъ довольно спѣшно ликвидировать свои недавнія «завоеванія въ Тибетѣ». Расширивъ индійскія владѣнія полуформальнымъ присоединеніемъ долины священнаго царства Далай-Ламы, состоявшаго раньше подъ протекторатомъ китайскаго богдыхана, Англія не заявляетъ теперь ни малѣйшаго протеста противъ намѣренія Китая установить свою власть въ Тибетѣ.

Пробуды англійской военной силы восполняютъ здоровая и всегда направленная къ торжеству національнаго интереса англійская дипломатія. Въ отличіе отъ нашей русской она своевременно умѣетъ отказаться отъ того, чего не можетъ защитить силой. Такой же характеръ расчетливой уступки носить и отказъ Англійи отъ владѣнія китайскимъ портомъ Вей-Ха-Веємъ. Здравый политическій смыслъ, котораго такъ нехватаетъ дипломатамъ нѣкоторыхъ другихъ державъ, заставляетъ англійское министерство иностранныхъ дѣлъ считаться съ невѣдомыми силами грознаго дракона. Пока онъ былъ робокъ и пассивенъ, съ нимъ не перемонились, но въ томъ-то и бѣда для всѣхъ бѣлыхъ пришельцевъ, что четырехсотъ-милліонный китайскій народъ постепенно начинаетъ приходить въ сознаніе. Первые силу его національной неприязни испытали на себѣ американцы. Оскорбительный законъ о недопущеніи въ Америку китайскихъ рабочихъ вызвалъ, наконецъ, во всемъ Китаѣ почти поголовный бойкотъ американскихъ товаровъ, сразу понизившій обороты американскихъ фирмъ на двѣ трети. Это былъ жестокий ударъ по самому чувствительному мѣсту американской души—по карману. Почувствовавъ его силу, американцы уже торопятся отмѣнить старый законъ и возстановить добрыя отношенія съ «желтыми братьями». Это уже вторая крупная побѣда не китайской дипломатіи, разумѣется, а китайскаго народа. Но такіе побѣды обыкновенно ведутъ не столько къ успокоенію, сколько къ дальнѣйшему разжиганію національныхъ аппетитовъ. Судя по шанхайскимъ и гонконгскимъ газетамъ, въ Китаѣ начинается общее движеніе противъ господства иноземцевъ. Оно уже охватило весь Средній и Южный Китай. Возбужденіе быстро распространяется и на Сѣверъ, положеніе иностранцевъ съ каждымъ днемъ дѣлается все труднѣе, хотя въ Пекинѣ китайское правительство и дворъ остаются попрежнему любезными ко всѣмъ иностраннымъ миссіямъ. Расхожденіе правительства съ народомъ не даетъ сколько-нибудь прочной безопасности, потому что сами китайскія власти чувствуютъ себя не очень прочно и держатся больше всего авторитетомъ генерала Юаншикая, усиленно охраняемаго полиціей послѣ множества угрожающихъ писемъ. Недовольство правительственной политикой съ особенною силою проявляется среди молодыхъ прогрессивныхъ китайцевъ, открыто и всенародно протестующихъ противъ захватной политики иностранныхъ державъ. Китайская передовая интеллигенція, ставшая на почву національныхъ интересовъ и требованій, неожиданно пріобрѣтаетъ въ странѣ большую силу. Измѣнившееся народному дѣлу правительству трепещетъ передъ новымъ движеніемъ, а сторонники вдовствующей императрицы, по словамъ послѣдней телеграммы изъ Пекина, заранѣе уже громкогласно «обсуждаютъ возможность такого положенія вещей, при которомъ ей пришлось бы искать спасенія отъ революціонеровъ въ стѣнахъ иностранныхъ миссій». Национальный вопросъ осложняется въ Китаѣ династическимъ, такъ какъ бездѣтность богдыхана и старость фактической правительницы заставляютъ ожидать возникновенія новой династіи. Послѣдніе представители умирающей династіи не сумѣли сохранить пріязнь своего народа и своею слѣпою антинациональною политикой успѣли вооружить противъ себя даже армію, въ средѣ которой процвѣтаютъ тайныя антидинастическія общества. Все это—симптомы близкаго политическаго возрожденія Китая.

Сѣздъ предводителей дворянства въ Москвѣ.

(Рис. на стр. 89).

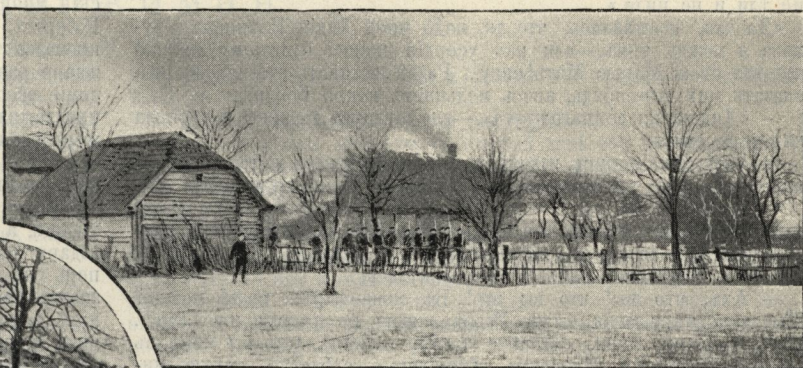
Переживаемое нами время въ числѣ другихъ своихъ особенностей отличается всеобщимъ стремленіемъ къ сѣздамъ, союзамъ и собраніямъ. «Эпоха великихъ событій», господствующая теперь въ Россіи, настоятельно требуетъ отъ ея гражданъ единенія для того, чтобы они могли столкнуться и сообща рѣшить, какъ быть и что предпринимать имъ въ тяжелое переходное время отъ анархій

Революція въ Прибалтійскомъ краѣ. Дѣйствія охранныхъ войскъ.

По фотогр. специального корреспондента К. Булла, авт. «Нивы».

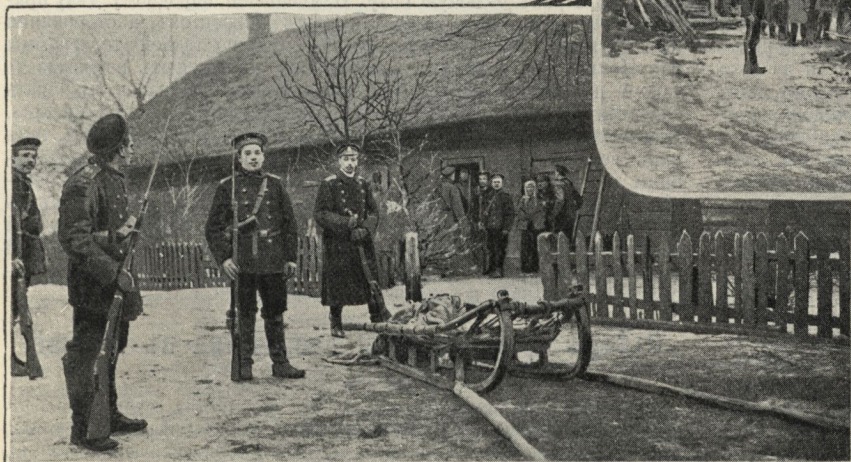

Сожженіе усадебъ, послѣ обыска
(близъ ст. Ремерсгофъ).

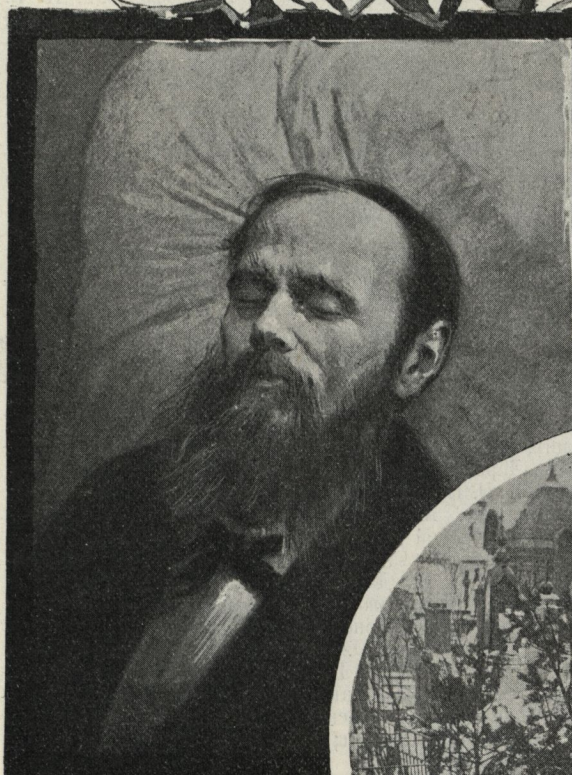
Пойманные революціонеры близъ ст. Ригмундсгофъ.

Двѣ женщины, переодевшіяся матросами и вызвавшіяся указать войскамъ мѣста засады революціонеровъ.

Обыскъ усадьбы, гдѣ было найдено зарытое въ хворостъ оружіе: револьверъ и два ружья, самодѣльные трехлинейные патроны, снаряженные изъ стрѣленныхъ трехлинейныхъ гильзъ чернымъ дымнымъ порохомъ; пули собственной отливки.

5-й морской охранный батальонъ подъ командой лейтенанта князя Путятина 2-го, во время обыска усадьбы близъ ст. Ремерсгофъ.

Ф. М. Достоевскій на смерт-
номъ одрѣ.

Семья Ф. М. Достоевскаго: жена писателя
Анна Григорьевна, его сынъ Федоръ Федоро-
вичъ и дочь Любовь Федоровна въ 9-й день
кончины Ф. М. у могилы, на кладбищѣ въ
Алекса́ндро-Невской лаврѣ.

Диванъ, на которомъ скончался Ф. М. Достоевскій.

Рабочій кабинетъ Ф. М. Достоевскаго, въ которомъ скончался писатель. Квартира Ф. М. помѣщалась въ Кузнечномъ переулкѣ (уголь Ямской ул.). Въ глубинѣ кабинета письменный столъ, на которомъ былъ написанъ ро-
манъ «Братья Карамазовы». Обстановка кабинета строго сохранена въ томъ
видѣ, какъ она была при покойномъ писателѣ. На столѣ стоятъ чернильница
и два подсвѣчника, положены газеты и книги въ томъ порядкѣ, какъ лю-
билъ писатель, стоитъ стаканъ чаю, безъ котораго не обходился Ф. М.

Памяти Ф. М. Достоевскаго. По поводу 25-лѣтія дня кончины.

Памятник на могилѣ Ф. М. Достоевскаго въ Александровской лаврѣ.

къ осуществленію великихъ реформъ, возвышеннымъ манифестомъ 17-го октября.

Отозвалось на это требованіе времени и наше дворянство. 7-го января въ Москвѣ открылся съѣздъ губернскихъ и уѣздныхъ предводителей дворянства. Съѣздъ этотъ продолжался по 11-е января, и результатомъ его явилось немало интересныхъ и важныхъ постановленій.

Съѣздъ состоялся при наличности свыше 120 участниковъ въ екатерининскомъ залѣ дома московскаго дворянства.

Приводимъ ихъ имена: отъ Бессарабской губерніи уѣздные предв. двор.: П. В. Дическулъ, П. Н. Крупенскій, П. Н. Кишинскій и О. Д. Крупенскій; отъ Владимирской губерніи: уѣздные предв. двор.—С. С. Стромиловъ и П. А. Нероновъ; отъ Вологодской губерніи: губерн. предв. двор. Н. М. Андреевъ и уѣздные—Н. М. Дружининъ и Н. М. Волоцкой; отъ Волынской губерніи: уѣздный предв. двор. Д. О. Андрю; отъ Воронежской губерніи: губерн. пред. двор. А. И. Алексинъ и уѣздные—П. А. Блиновъ, бар. Г. Н. Корфъ, И. Т. Алисовъ; отъ Гродненской губ.: уѣздный предв. двор. Н. Г. Невѣровичъ; отъ Екатеринославской губерніи: уѣздные предв. двор.—Э. К. Бродскій, В. С. Миргородскій, Н. М. Зарудный, С. Н. Родзинко и О. А. Бантышъ; отъ Калужской губерніи: губернский предв. двор. Н. И. Булычевъ и уѣздные—Н. Н. Яновскій, С. А. Поповъ, Г. К. Шлиппе, И. А. Каншинъ, В. П. Суходольскій, К. А. Шумовскій и Ф. П. Степановъ; отъ Киевской губерніи: губернский предв. двор. кн. Н. В. Реннинъ и уѣздный Г. И. Вишневскій; отъ Костромской губерніи: уѣздные предв. двор. С. Ф. Грибунинъ и А. А. Куломзинъ; отъ Курской губерніи: губернский предв. двор. гр. В. Ф. Дорреръ и уѣздные—Н. Н. Богдановъ, А. А. Шекинъ, Г. А. Шечковъ и С. А. Юрьевъ; отъ Минской губерніи: губернский предв. двор. А. С. Долгово-Сабуровъ и уѣздные—Ю. А.

Кологривовъ и А. П. Магденко; отъ Могилевской губерніи: губернский предв. двор. О. Я. Хоментовскій и уѣздные—М. А. Ватади и кн. Н. Друцкой-Соколинскій, отъ Московской губерніи: губернский предв. двор. кн. П. Н. Трубецкой и уѣздные—П. А. Базилевскій, П. В. Губовъ, Н. Н. Кисель-Загорянский, гр. М. А. Олсуфьевъ, А. К. Варженевскій, гр. П. С. Шереметевъ, П. М. Рюминъ, П. А. Яновъ, А. К. Шлиппе, бар. В. Д. Шепингъ, А. А. Пушкинъ, А. М. Катковъ, кн. С. Б. Мещерскій и Д. А. Бутурлинъ; отъ Нижегородской губерніи: уѣздные предв. двор.—А. П. Горсткий и А. Н. Кармалитъ; отъ Области Войска Донскаго областной предв. двор. В. И. Денисовъ и уѣздный А. П. Леоновъ; отъ Орловской губерніи: уѣздные предв. двор.—С. А. Володимировъ и В. Г. Ветчининъ; отъ Пензенской губерніи: губернский предв. двор. Д. К. Гевличъ и уѣздный В. А. Бутлеровъ; отъ С.-Петербургской губерніи: губернский предв. двор. гр. В. В. Гудовичъ и уѣздные—Н. Д. Шубинъ-Поздѣвъ и гр. Г. Н. Северскъ; отъ Подольской губ.: уѣздный предв. двор. бар. Ю. О. Мейендорфъ; отъ Полтавской губ.: губ. предв. двор. С. Е. Бразоль и уѣздные—М. К. Катериницъ и Г. Н. Навроцкий; отъ Псковской губерніи уѣздный предв. двор. гр. П. А. Гейденъ; отъ Рязанской губерніи: уѣздные предв. двор.—кн. Л. Н. Гагаринъ, А. Я. Пущешниковъ, Н. Л. Шишковъ и С. П. фонъ-Дервизъ; отъ Самарской губерніи: губернский предв. двор. А. Н. Наумовъ и уѣздные—гр. А. Н. Толстой, М. Д. Мордвиновъ, А. М. Наумовъ и А. Н. Шелашниковъ; отъ Саратовской губерніи: губернский предв. двор. В. Н. Ознобишинъ и уѣздные—А. В. Сумароковъ, В. С. Кропотковъ и П. Н. Давыдовъ; отъ Симбирской губерніи: губернский предв. двор. В. Н. Поливановъ; отъ Смоленской губерніи: губернский предв. двор. кн. В. М. Урусовъ и уѣздные—Н. О. Дудинскій, Н. А. Хомяковъ, гр. И. А. Уваровъ, В. П. Рачинскій, А. Г. Лелюхинъ, В. А. Волковъ, В. А. Булгаковъ и Н. И. Мазаровичъ; отъ Таврической губерніи: губернский предв. двор. С. Б. Скадовскій и уѣздный—П. В. Поповъ; отъ Тамбовской губерніи: уѣздный

Памятникъ на могилѣ Н. К. Михайловскаго на Волковомъ кладбищѣ, открытый 28 января с. г.

Приготовление къ Государственной Думѣ. Работы по проверкѣ списковъ избирателей по г. Петербургу, въ Александровскомъ залѣ городской думы. По фот. К. Булла, авт. «Нивы».

предв. двор. кн. В. М. Волконский; отъ Тверской губерніи: губернский предв. двор. С. Ф. Головин; отъ Тульской губерніи: уѣздные предв. двор.—В. В. Татариновъ и С. И. Гаеринъ; отъ Харьковской губерніи: губернский предв. двор. Г. А. Фирсовъ и уѣздные—В. А. Бантышъ, В. А. Задонскій, А. Л. Величко, И. Д. Траскинъ и гр. Н. В. Клейнмихель; отъ Черниговской губерніи: уѣздные предв. двор.—В. А. Хаменко, М. А. Искрицкій и П. А. Абале-шовъ; отъ Ярославской губерніи: уѣздные предв. двор.—Н. П. Одинцовъ, Г. В. Макаровъ, кн. И. А. Куракинъ, бар. А. В. Энгель-гардъ, И. Н. Хлѣбниковъ, А. А. Волковъ и Д. В. Калачевъ.

Предсѣдателемъ сѣзда былъ единогласно избранъ московскій губернский предводитель дворянства кн. П. Н. Трубецкой.

Занятія сѣзда начались съ обсуждения самаго большого для нашихъ дворянъ-землевладѣльцевъ вопроса — аграрнаго. Вопросъ этотъ обсуждался въ теченіе почти всего сѣзда и явился, какъ и слѣдовало ожидать, центральнымъ пунктомъ собесѣдованій.

При обсужденіи аграрнаго вопроса было постановлено прежде всего принять въ качествѣ главнѣйшихъ принциповъ слѣдующія два положенія: 1) коренное разрѣшеніе земельныхъ недоразумѣній должно быть поставлено въ Государственной Думѣ въ первую очередь, и 2) при разрѣшеніи этого вопроса должна свято соблю-даться неприкосновенность частной собственности. Дальнѣйшая же разработка во-проса выразилась на сѣздѣ въ слѣдующемъ.

Сѣздъ, во-первыхъ, отнесся критически къ дѣйствіямъ крестьянскаго банка и на-мѣтилъ много весьма вѣрныхъ поправокъ къ его дѣятельности. Затѣмъ было признано необходимымъ расширить и упорядочить переселенческое дѣло при самомъ широ-комъ участіи въ этомъ дѣлѣ мѣстныхъ обще-ственныхъ организацій, а также способство-вать поднятію культуры, развитію сельско-хозяйственной промышленности и органи-зации сбыта сельско-хозяйственныхъ про-дуктовъ. Далѣе, сѣздъ выработалъ и при-нять въ качествѣ пожеланій и другихъ мѣръ: обязательное отмежеваніе и разгра-ниченіе крестьянскихъ надѣловъ на госу-дарственный счетъ, предоставленіе госу-дарственныхъ пахотныхъ земель, а также и *удѣльныхъ* земель, для отвода земледѣль-цамъ за плату по существующимъ мѣст-нымъ цѣнамъ; принятіе энергическихъ мѣръ для охраненія мира и порядка въ деревняхъ и для защиты мирныхъ жите-лей отъ насилій.

Наиболѣе характерною въ числѣ этихъ мѣръ является, конечно, покушеніе на удѣль-ныя земли. Среди участниковъ сѣзда даже возникъ по этому поводу расколъ: значительная группа уѣздныхъ предводителей подала особое мнѣніе, въ которомъ высказалась противъ отвода удѣльныхъ земель въ виду того, что онѣ представ-ляютъ частную собственность, а между тѣмъ, самъ же сѣздъ призналъ принципиально неприкосновенность частной собственности.

Изъ другихъ пожеланій и постановленій сѣзда можно отмѣтить высказанное сѣздомъ пожеланіе скорѣйшаго созыва Государ-ственной Думы и постановленіе объ обращеніи съ особой депута-ціей къ Государю Императору; собраніе единогласно рѣшило отпра-вить Государю депутацию, которой поручено бить челомъ Царю и про-сить «о Высочайшемъ предопредѣленіи въ особомъ манифестѣ дня созыва Государственной Думы, что чрезвычайно важно для страны».

12-го января сѣздъ закрылся. Провинціальныя предводители разошлись по своимъ «дворянскимъ гнѣздамъ», а кн. П. Н. Тру-бецкой выѣхалъ въ С.-Петербургъ съ тѣмъ, чтобы ознакомить пра-вительство съ постановленіями сѣзда.

М. Д. Каменская. (Портр. на этой стр.).

Марія Даниловна Каменская получила прощальный бенефисъ за двадцатипятилѣтнюю службу въ труппѣ русской оперы на Ма-рининской сценѣ. Для своего прощанія съ публикой, всегда отно-сившейся къ ней весьма симпатично, артистка выбрала одну изъ лучшихъ своихъ партій,—Рогнеду Строва. Собственно говоря, М. Д. Каменская могла бы еще продолжать свою карьеру и при-носить пользу родному искусству своимъ могучимъ голосомъ; но у насъ какъ-то ужъ принято, что прослужившіе предѣльный срокъ оставляютъ сцену (мы говоримъ только объ оперной), хотя бы они находились еще въ полномъ расцвѣтѣ силъ и таланта. Наша юби-лярша занимала видное мѣсто въ труппѣ и всегда была на виду у публики, несмотря на то, что дѣятельность ея шла съ пере-рывами; такъ, во время между 1886—1901 г. она покидала сцену.

Такимъ образомъ Марія Даниловна служила искусству гораздо больше времени, ибо, выйдя изъ Марининскаго театра въ ука-занное время, она продолжала свою дѣ-ятельность на частныхъ сценахъ и появля-лась то здѣсь, то тамъ на нашихъ кон-цертныхъ эстрадахъ. Первые двѣнадцать лѣтъ (дебютировала въ 1874 г. въ Ванѣ въ «Жизни за Царя», а вынуждена была временно выйти въ 1886 г.) однако ей были зачтены и четвертьвѣковой своей юбилей она могла бы праздновать еще въ прошломъ году, но онъ какъ-то былъ от-ложенъ на текущій сезонъ, и празднича-ніе состоялось 10-го февраля при шум-ныхъ оваціяхъ посѣтителей Марининскаго театра, при подношеніяхъ отъ публики и товарищей-артистовъ, при депутаціяхъ отъ разныхъ труппъ казенныхъ и частныхъ сценъ; словомъ, провожали ее, какъ лю-бимицу, честно, добросовѣстно и талант-ливо прослужившую столько лѣтъ родному искусству и отмежевавшую себя прекрас-ное мѣсто между лучшими силами опер-наго персонала названнаго театра.

М. Д. Каменская училась въ Марин-скомъ институтѣ, по окончаніи котораго она, давно уже мечтавшая о сцениче-ской карьерѣ, стала учиться у знамени-той Ниссенъ-Саломонъ, занимавшей пер-вое мѣсто по классамъ пѣнія въ консер-ваторіи, и въ скоромъ времени сдѣлала такіе значительные успѣхи, благодаря пре-красному, выдающемуся по красотѣ и силѣ звука, голосу (меццо-сопрано), что,

спустя нѣсколько лѣтъ, могла смѣло дебютировать на нашей образ-цовой лирической сценѣ и была немедленно принята послѣ блестящаго дебюта въ упомянутой оперѣ Глинки. За періодъ своей дѣятельности ей пришлось исполнять очень много партій въ опе-рахъ русскаго и иностраннаго репертуара, изъ которыхъ назовемъ, какъ лучшія въ ея передачѣ, партіи: Рогнеды, Морозовой («Оприч-ники» Чайковскаго), Фидесъ («Пророкъ»), Уберты («Корделія»), Колдуньи («Гензель и Гретель»), Ортруды («Лоэнгринъ»), Брунгильды («Тристанъ и Изольда»), Няни («Евгеніи Онѣгинъ» и «Дубров-скомъ»), Амнерисъ («Аида»), Княгини («Русалка»), Весны («Снѣ-гурочка»), Ганны («Майская ночь» г. Римскаго-Корсакова), Со-лохи («Черевички» Чайковскаго и «Ночь предъ Рождествомъ» г. Римскаго-Корсакова), Спиридоновны («Вражія сила»), Азры («Юдифь») и др. Оглянувшись на истекшее 25-лѣтіе, М. Д. Каменская можетъ быть довольна своимъ прошлымъ, въ которомъ, если и были шипы, то во всякомъ случаѣ розы ихъ вполнѣ прикрыли...

М. Д. Каменская. По поводу 25-лѣтія артисти-ческой дѣятельности. По фот. Мрозовской.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на „НИВУ“ 1906 г.

Съ приложеніемъ 40 книгъ полныхъ собраній сочиненій:

М. Е. Салтыкова-Щедрина

Остальные 30 книгъ
полнаго собранія.

Съ «Материалами для біографіи М. Е. Салтыкова» К. К. Арсеньева.

К. М. Станюковича

Первые 10 книгъ
полнаго собранія

подъ редакцію и съ критико-біографич. очеркомъ П. В. Быкова.

12 выпусковъ „Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній“.
12 №№ „Парижскихъ модъ“ и пр.

Содержаніе.

ТЕКСТЪ: Урокъ. Повѣсть Бор. Лазаревскаго. (Продолженіе).—Одержимая. Разсказъ М. М. Читау.—Пробужденіе Китая.—Сѣздъ предво-дителей дворянства въ Москвѣ.—М. Д. Каменская.—Объявленія.

РИСУНКИ: У алтаря.—Вдали отъ міра.—У исповѣди.—Блудный сынъ.—Первый всероссійскій сѣздъ предводителей дворянства въ Москвѣ.—Революція въ Прибалтійскомъ краѣ. Дѣйствія охранныхъ войскъ. 1) Сожженіе усадьбы, послѣ обыска (близъ ст. Ремесло). 2) Пойманные революціонеры близъ ст. Риги. 3) Дѣвѣ женщины, переодѣвшись матросами и вызвавшись указать войскамъ мѣста засады революціонеровъ. 4) Обыскъ усадьбы, гдѣ было найдено зарытое оружіе. 5) 5-й морской охранной батальонъ подъ командой лейтенанта князя Путятина 2-го, во время обыска усадьбы близъ ст. Ремесло. —Памяти Ф. М. Досто-евского. По поводу 25-лѣтія дня кончины: 1) Ф. М. Достоевскій на смертномъ одрѣ. 2) Семья Ф. М. Достоевскаго. 3) Диванъ, на которомъ скончался Ф. М. Достоев-скій. 4) Рабочій кабинетъ Ф. М. Достоевскаго, въ которомъ скончался писатель.—Памятникъ на могилѣ Ф. М. Достоевскаго, въ Александровской лаврѣ.—Памят-никъ на могилѣ Н. Н. Михайловскаго на Волковомъ кладбищѣ, открытый 28 января с. г.—Приготовленія къ Государственной Думѣ.—М. Д. Каменская.

На этому № прилагается: „Полнаго собранія сочиненій М. Е. Салтыкова-Щедрина“ книга 13.

Редакторъ-издат. Л. Ф. Маркъ.

Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

